

УЛЬЯНОВСК. Ненайденное поколение

Время так называемой «новой драмы», которую не критиковал только ленивый, кажется, прошло, потому что пришла «новейшая драма», и это уже серьезно. Режиссеры утверждают, что в последнее время в России появилось много замечательных драматургов, молодых и не очень, которые научились писать, более того, их пьесы ставят! Одна из таких «новейших» пьес идет в Ульяновске.

В областном Молодежном театре с февраля играют спектакль «Кеды» по пьесе Любови Стрижак в постановке Александра Лебедева (он актер Ульяновского драмтеатра, обучается режиссуре). Это не авангард, но определенно — эксперимент, местами не совсем внятный, но с очевидностью заточенный под молодежную аудиторию, к которой призван обращаться Молодежный театр. Это спектакль, развивающий тему отцов и детей в XXI веке. В своей основе конфликт — тот же самый, вечный, «тургенев-

ский», но поменялся контекст, сместились мерки: теперь по-другому говорят, одеваются, пьют, отдыхают, общаются.

Спектакль высвечивает драму поколения нынешних 20-летних, неприкаянного и непонятого поколения: оно непонятно, потому что — не понято, потому что его не пытаются понять — даже в простых вещах. Главный герой Гриша (**Виталий Мялицин**) отстаивает перед матерью и отчимом право иметь собственное мнение, свои привычки, потому что взрослые это право игнорируют, вплоть до мелочей: и отчим дарят ему бейсболку с ремешком, хотя он любит «закрытую»; мать по привычке гладит вещи Гриши, хотя у него свой стиль — ходить в неглаженном. За Гришу решают, что ему должно нравиться. Очевидно, поколение «отцов» — то самое поколение, которому приходилось выживать в 90-е. Выжили, но приобрели некое мессианское «знание жизни», которое усиленно — и насиль-

В. Мялицин в роли Гриши

Гриша — В. Мялицин, отец Кристины — С. Пигалёв

но — транслируют следующему поколению. Это массивное проецирование взрослыми своей воли на молодых — по сути, род психологического насилия — опустошает детей, лишает их энергии. «Можно я никем не буду? — говорит Гриша. — Я никем не хочу быть. Я не могу. Я для другого создан. У меня другая природа. И я чё-то устал».

Ранняя апатия, ранняя усталость Гриши — во многом «заслуга» его родителей. Инфантильная молодежь без идеалов — это дети родителей, которые заняты выживанием или заняты собой, но не знают своих детей, их потребностей, да и не хотят знать. Мать Гриши (**Дарья Долматова**) хлопочет вокруг нового мужа, угождает ему — ну как же, у нее есть мужчина, это же такая ценность, даже если муж плохонький. Отчим (**Максим Варламов**) ведет себя как домашний царёк, вместе с матерью Гриши они выступают единым воспитательным фронтом против молодого человека (впрочем, уже не юного — Грише 26 лет). К чему приводит это взаимное отчуждение отцов и детей? К протесту, который в спектакле показан в финале: оди-

наковые шапочки молодежи разом трансформируются в балаклавы омонцовцев, разгоняющих «марш несогласных» (так завершается и пьеса *Стрижак*). Этот протест — не только и даже не столько политический, это протест против родителей, которые дарят детям бейсболки и айфоны вместо близости, теплоты, поддержки, общения: легче откупиться, чем понять, чем живет твой сын, запомнить, какие кепки он любит. «Ведь они еще обижаются, мол, все для тебя делаем, а ты нос воротишь, — говорит Гриша, — а мне просто непонятно, ну что я, виноват, что мне закрытые нравятся, а открытые я никогда в жизни не одену, потому что мне не нравится. Ну зачем заставлять? Делать насильно счастливым?...»

Увы, безразличие заразно, вот и Гриша расстался с Катей, у которой будет его ребенок. «Что я смогу дать своему сыну? Ничего, — говорит Гриша. — Я пуст». Социальный пессимизм главного героя сродни пессимизму главного героя из известного советского фильма Михаила Швейцера «Бегство мистера Мак-Кинли» по сцена-

Сцена из спектакля

рию Леонида Леонова. «Я боюсь будущего. Глядя на наших родителей, я вижу, какое оно будет, и я его таким не хочу», — заявляет Гриша. Какая уж тут женитьба и отцовство! Гриша не только пуст, но и безволен: он хочет купить новые кеды, это его идея-фикс, но даже такое, казалось бы, простое действие превращается в нечто невыполнимое. Гриша все время говорит о своем намерении, но кеды так и остаются мечтой, ведь чтобы их купить, надо сделать усилие, совершить выбор. Протеста хватает на то, чтобы уйти из дома: во втором действии Гриша ходит туда-сюда с клетчатой сумкой и почему-то со светильником, который прихватил с собой. (Символ связи с домом? Намек на обустройство будущего жилья? Бессмысленный фетиш?)

Молодой человек, которого играет Виталий Мялицин, вызывает сочувствие: он безволен, но он не злодей; он «боится чувствовать», боится остаться никому не нужным, но это его беда, а не вина. Гриша знает свое безволие, свою принадлежность к «эре непрофессионалов», признает труд-

ности в контакте не только с поколением отцов, но даже со сверстниками. В своем одиночестве и неприкаянности Гриша очень похож на Холдена Колфилда из романа Сэлинджера «Над пропастью во ржи», недаром Мялицин играет Холдена в одноименном спектакле, премьера которого состоялась в Молодежном театре в июне.

Молодые люди потерянного (или, скорее, ненайденного и непонятого поколения) предсказуемо ищут отдушину в общении друг с другом. В спектакле есть очень яркие, динамичные массовые сцены — домашняя вечеринка, посиделки в баре, кислотная музыка, световые эффекты и — много дыма: в поисках себя молодежь известными способами «расширяет сознание», то есть это самое сознание повреждает, затуманивает. Режиссер показывает, что общение в состоянии транса ущербно, шаблонно, полубессмысленно, в итоге — скучно («Коммуникация переоценена», — по своему заключает Гриша).

Тем не менее спектакль показывает, что молодежь неоднородна, что «зависимости

Миша — Ю. Ефремов, Саша — А. Курзин, Гриша — В. Мялицин

от колес» нет, что человек способен изменить судьбу, выскочить из наезженной борозды, осознав ту духовную пустоту, в которой он пребывает, и попытаться вырастить в ней (другой среды нет!) индивидуальный смысл — из себя. Саша (**Александр Курзин**) женится на Кате (**Наталья Байкова**), бывшей девушке Гриши, потому что любит ее, хочет семью, потому что — все равно надо же когда-нибудь жениться, так почему не сейчас? В этом есть какое-то качественное взросление, изменение отношения к жизни через ответственное отношение к другому человеку. Миша (**Юрий Ефремов**) избирает другой путь: он едет учиться в Голландию, ему пришло приглашение, потому что он об этом позаботился. Из этой троицы друзей только Гриша остается неприкаемым: он бродит со своим баулом и горшером, рассуждая, что надо бы купить новые кеды. Гриша в каком-то смысле, новый Обломов, и относиться к нему можно по-разному, как по-разному — с противоположных позиций — писали о герое Гончарова критики Добролюбов и Анненский: первый осуждал «обломовщи-

ну», говорил о параличе воли у Обломова, второй видел в его философии свободный выбор, цельность характера, доброту, отказ участвовать в недостойной человека суете жизни. Вот и Гриша в конце спектакля выкрикивает: «У меня нет конфликта, поняли, нет у меня конфликта с собой!»

Конфликт, конечно, есть, и он двоякий — и внутренний, и внешний. И весь спектакль о том, как с этим справляться — и индивиду, и целому поколению. Этот конфликт — главное, что движет спектакль. В целом молодому режиссеру удалось сформулировать это послание, работа получилась динамичной, хотя в нескольких местах логика постановщика неясна. Непонятно, например, зачем в начале спектакля Гриша неожиданно выходит в памперсе, с нагрудником и соской для грудничков — чтобы показать, что для матери он всегда останется маленьким ребенком? Тогда это слишком иллюстративно и прямолинейно. Мама Гриши носит платье с неотгорванной этикеткой, но точно такой же прием применяет режиссер Владимир Золотарь в спектакле «Беспри-

Мама Гриши — Д. Долматова

даница», который сегодня идет в Ульяновском областном драмтеатре: там с биркой на новом костюме ходит Карандышев.

Второй акт начинается с длинных монологов Гриши, Саши и Миши (они есть в пьесе), в спектакле они оформлены как интервью с популярным видеоблогером Юрием Дудем. К сожалению, видео, записанное с разным качеством звука и света, выглядит любительским и затянутым, поэтому хочется, чтобы эти полные важных смыслов монологи остались в живом плане и были обращены к зрительному залу, а не к смонтированному в запись Дудю. Наконец, Лебедев грешит чрезмерной эксплуатацией одного, даже удачно найденного, режиссерского решения. В сцене, где Гриша приходит к своему бывшему работодателю, отцу своей девушки Кристины, мужчина бьет его лицом об стол, после чего Гриша возвращается и сам бьется лицом об стол (вспоминается крестьянин из поэмы Некрасова, который в качестве протеста против несправедливости вешается на глазах у своего барина). Этот демонстративный поступок «восставшего раба» про-

изводит сильное впечатление — но только в первый раз, потому что режиссер заставляет Гришу возвращаться и вновь биться об стол — и второй раз, и третий, и четвертый, при этом с каждым разом эффект приема снижается, а с последним ударом вовсе исчезает, остается только досада.

И все же спектакль кажется нужным и важным. Он говорит нам об ответственности отцов перед детьми, о разрыве между поколениями, который трансформируется в бунт. Послание отцам: нельзя «причинить счастье», нельзя заставить быть счастливым, но можно создать для молодого человека благоприятную среду, в которой он сам — свободно — раскроет свое предназначение, сделает выбор, найдет путь. Купит кеды, наконец. Именно такие, какие хочется. Здесь есть и послание детям: несмотря на репрессивную родительскую любовь-опеку, ничто не предопределено, выбор есть, душевная усталость преодолима, пустоту можно заполнить реальным смыслом.

Сергей ГОГИН

Фото Кристины ОРУССКОЙ